

DOI 10.37386/2305-4077-2021-2-131-137

А. О. Большев¹*Санкт-Петербургский государственный университет*

ЛИМОНОВСКИЙ “СЛЕД” В ПРОЗЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА

Статья посвящена интертекстуальному полемическому диалогу с Э. Лимоновым, который ведет З. Прилепин в рассказе «Спички и табак, и всё такое» (2016). В кульминационном эпизоде Прилепин с помощью узнаваемой цитаты отсылает читателя к лимоновскому претексту, каковым является роман «Подросток Савенко» (1982), в результате же важным элементом смысловой структуры рассказа оказывается спор о том, можно ли совместить поэтическую утонченность с храбростью и агрессивностью, необходимыми как воину, так и уличному бойцу. В этом вопросе позиции двух писателей резко расходятся: с точки зрения Лимонова, поэтическая деятельность ведет к изнеженности, тогда как Прилепин убежден в обратном.

Ключевые слова: Прилепин; Лимонов; национал-большевизм; оружие; поэзия.

A. O. Bolshev*St. Petersburg State University*

LIMONOV'S "TRACE" IN THE PROSE OF ZAKHAR PRILEPIN

The article is devoted to the intertextual polemic dialogue with E. Limonov, which is conducted by Z. Prilepin in the story “Matches and tobacco, and all that” (2016). In the culminating episode, Prilepin, with the help of a recognizable quote, refers the reader to Limonov’s pretext, which is the novel “Adolescent Savenko” (1982), as a result, an important element of the semantic structure of the story turns out to be a dispute about whether it is possible to combine poetic sophistication with courage and aggressiveness, necessary as a warrior and a street fighter. On this issue, the positions of the two writers differ sharply: from Limonov’s point of view, poetic activity leads to effeminacy, while Prilepin is convinced of the opposite.

Key words: Prilepin; Limonov; national bolshevism; weapons; poetry.

Захар Прилепин всегда признавал фактор существенного влияния, которое оказал на него Эдуард Лимонов в качестве политика, идеолога и литератора-художника. Неудивительно, что лимоновский «след» без труда обнаруживается в целом ряде произведений Прилепина. Так, например, адекватное восприятие прилепинского романа «Санька» вряд ли возможно вне контекста книги Лимонова «Другая Россия: Очертания будущего», в которой развернут проект радикальной трансформации всей человеческой природы (именно Лимонов является прототипом Костенко, героя-идеолога «Саньки», о книгах которого сказано, что «в них порой сквозило уже нечто неземное, словно Костенко навсегда разочаровался в человечине, и разочаровался поделом»).

¹ Александр Олегович Большев, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

В этой статье речь пойдет о прилепинском рассказе «Спички и табак, и всё такое» из книги «Семь жизней» (2016), существенную роль в котором играет, как представляется, полемический, хотя, разумеется, весьма уважительный, диалог с Лимоновым. Действие рассказа происходит, судя по всему, в 2001 году, в самом начале мая, в Нижнем Новгороде. К живущему там автобиографическому герою-рассказчику приезжает нацбол (т.е. член экстремистской партии Национал-большевиков) из Питера Евгений Павленко, главная цель визитёра – оружие, которое он надеется раздобыть у прошедшего Чеченскую войну приятеля-новгородца. Оружие необходимо нацболам для войны, которую они тогда активно пытались развязать – в первую очередь на территории Казахстана, но на самом деле повсеместно, на любых проблемных участках постсоветского пространства (в подобной войне много лет спустя, как узнает читатель, суждено погибнуть и Евгению Павленко). Однако выясняется, что у героя-рассказчика нет оружия: недавно утратив прежнее желание умереть молодым, он стал семьянином. Вопрос об оружии и войне все время всплывает в разговорах двух приятелей-нацболов, а затем на первый план выходит также и поэзия. Герой-рассказчик приносит с собой на встречу с другом какую-то книжку – неведомый читателю поэтический сборник в мягкой обложке. На вопрос приятеля о том, что это за книга, рассказчик отвечает хрестоматийно-известными строчками из стихотворения Э. Багрицкого «Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым» (1927), в которых книги стихов фигурируют как важное содержимое походной сумки воина – по существу же, речь идет о способности поэзии становиться мощным и эффективным оружием: «...А в походной сумке спички и табак, Тихонов, Сельвинский, Пастернак» [Прилепин, 2016, с. 108].

В результате в смысловой структуре рассказа возникает акцентированная параллель между поэзией, с одной стороны, и оружием (и шире – вообще войной), с другой. Герой-рассказчик, на основе процитированных строк Багрицкого про спички, табак и поэзию, выстраивает длинный ряд поэтических имен: Тихонов, Сельвинский, Пастернак; Гумилев, Есенин, Луговской; Маяковский, Хлебников, Мандельштам; Пушкин, Боратынский, Батюшков; Лермонтов, Григорьев, Огарев; Бродский, Кублановский, Кузнецов. В этом ряду бросается в глаза зияющее отсутствие одного поэта (впрочем, больше известного в качестве прозаика), являвшегося одновременно также и воином. Именно этот человек и стал автором политического проекта под названием «Вторая Россия», для реализации которого нацболам понадобилось оружие. Разумеется, речь идет об Эдуарде Вениаминовиче Лимонове-Савенко. Лимонов, вождь НБП, был арестован ФСБ 7 апреля 2001 года в Усть-Коксинском районе Республики Алтай, неподалеку от границ с Казахстаном и находился в заключении более двух лет – до июня 2003 года. В тюрьме он написал восемь книг, в большинстве которых нашли продолжение и развитие его планы по трансформации русской жизни и мирового порядка в целом.

Однако для анализа рассказа «Спички и табак, и всё такое» нас прежде всего интересует вышеупомянутый лимоновский проект «Вторая Россия», который предусматривал развязывание партизанской войны на севере Казахстана, где проживало по преимуществу русское население. Именно «под флагом защиты русского населения, или под флагом защиты социалистических идеалов» [Лимонов, 2003, с. 262] Лимонов и планировал начать войну, рассчитывая на благожелательный нейтралитет российских властей и сочувствие значительной части населения России, что могло обеспечить приток воинов-добровольцев – в особенности из таких близлежащих городов, как Уфа, Новосибирск, Астрахань, Волгоград, Самара. На основе партизанских военных группировок Лимонов предполагал создать на отвоеванных территориях так называемую Вторую Россию – «туда будут бежать, как в свое время крепостные на Дон» [Лимонов, 2003, с. 265]: «Во Второй России, на ее территории можно будет осуществить некоторые черты будущего. И пусть Вторая Россия и старая Россия – та, что Московия, некоторое время посоревнуются, посуществуют рядом. Все живые люди непременно перебегут во Вторую Россию, сомнений быть не может. Вся молодежь сбежит. А в мерзлых бараках Московии пусть живут боязливые пенсионеры, и на каждого жителя будет приходиться по два личных прикрепленных к нему милиционера. И один прокурор. Ведь Московия – самая несвободная страна в мире. Пусть она вся полопадется и провалится» [Лимонов, 2003, с. 259].

Но вернемся к сюжету прилепинского рассказа. В какой-то момент у двух подвыпивших приятелей-нацболов возникает конфликт с праздно гуляющей троицей сверстников, явно приезжих, причем лидером этой компании оказывается рыжий молодой человек с типичной внешностью боксера, очень хладнокровный и уверенный в себе. В этом задиристом фигуранте читатель постепенно узнает – разумеется, в общем контексте рассказа – Бориса Рыжего, замечательного российского поэта, ставшего одним из любимцев Захара Прилепина. Борис Рыжий, который, кроме поэзии, весьма успешно занимался боксом, покончил с собой 7 мая 2001 года в Екатеринбурге. Но то, что понятно имплицитному автору произведения (и что постепенно открывается также читателю), разумеется, не может знать двадцатипятилетний автобиографический герой: рассуждая в беседе с Павленко о том, что у каждого поколения должен быть свой поэт, он не догадывается, что нагловатый рыжий незнакомец, находящийся перед ним, и есть тот самый гениальный выразитель духа трагической эпохи 1990-х (весьма вероятно, книга стихов, принесенная рассказчиком на встречу с приятелем, является как раз первым сборником произведений Бориса Рыжего), который не отказался от желания умереть молодым, а потому счет оставшегося ему времени пошел уже даже не на дни, а на часы. В 1998 году Рыжий написал: «Смерть на цыпочках ходит за мною, / окровавленный бант теребя» [Рыжий, 2013, с. 408]. В этой связи Ю. Казарин охарактеризовал мироощущение поэта на последнем этапе его биографии следующим образом: «Теперь ему нужна горе-смерть, смерть физическая. Смерть не как избавление от мук, а смерть как обретение посмертной жизни поэта и его стихов» [Казарин, 2018, с. 202].

Итак, герой-рассказчик видит в лидере враждебной компании отнюдь не выдающегося поэта, близкого ему по духу, но всего лишь опытного и умелого бойца и, размышляя о назревающей драке, делает вывод, что шансов на успех, увы, немного: дело в том, что он не захватил из дома кастет (привычную обиходно-бытовую принадлежность для человека, привыкшего и к военным схваткам, и к регулярным уличным дракам), засунув вместо этого оружия в боковой карман куртки вышеупомянутую книгу стихов: «Ещё до того, как мне пришло в голову похлопать по левому карману, проверяя, на месте ли кастет, я вспомнил, что выложил его дома. <...> В кармане у меня лежала только книжка со стихами» [Прилепин, 2016, с. 112–113]. Представляется, что перед нами важный, в какой-то мере даже ключевой для сюжетной структуры рассказа момент – отсылка читателя к претексту, каковым является роман Э. Лимонова «Подросток Савенко» (1982). Конкретно же речь идет о кульминационном эпизоде из лимоновского произведения, где юный автобиографический герой, решив с помощью опасной бритвы расправиться с любовным соперником, обнаруживает, что привычного оружия в боковом кармане нет, вместо него он засунул туда тетрадь своих стихов: «Из-за того, что взял тетрадь со стихами, оставил бритву дома в пиджаке» [Лимонов, 1992а, с. 188].

Лимоновская цитата явно носит в структуре прилепинского рассказа не ситуативный, а контекстуальный характер. В романе Лимонова «Подросток Савенко» ключевую роль играет антиномия, условно говоря, банды и богемы: автобиографический герой колеблется между брутальной жестокостью, усвоенной в уличной блатной среде, и утонченностью, необходимой ему для поэтической деятельности². Эди-бэби (так называют героя уличные друзья) убежден в том, что соединить в рамках одной человеческой личности агрессивность и поэтический дар невозможно – необходимо выбрать что-то одно. Изящный и рафинированный от природы Эди-бэби тяготеет к книгам, интеллектуально-созерцательной деятельности и пишет талантливые стихи, но с горечью осознает, что для успешного самоутверждения в криминализованной Салтовке (так называется окраинный район Харькова, где происходит действие) мужчине необходимо культивировать в себе совсем другие качества: силу и жестокость. Синтезировать эти начала с интеллектуально-поэтической утонченностью лимоновский герой не способен, приходится выбирать: либо оружие, либо стихи. Данная коллизия занимает важное место и в смысловой структуре лимоновского романа «Молодой негодяй» (эти два произведения входят в так называемую харьковскую автобиографическую трилогию Лимонова): все тот же герой, alter ego автора, только повзрослевший на несколько лет, по мере овладения культурой и поэтическим мастерством безвозвратно утрачивает храбрость, решительность, мышечную реакцию – именно то, что необходимо мужчине в уличной драке и на войне. Чтобы достичь высот в искусстве, требуется утонченность – но ее обретение оборачивается утратой героем здоровой и грубой силы, а без нее трудно преуспеть в суровой жизненной борьбе. Даже внешность новоиспеченного

² См. подробнее: [Орлова, 2003, с. 30–35].

поэта Лимонова резко меняется: «...став поэтом, рабочий парень утерять многие килограммы рабочего веса и за пару лет общения с умными книгами и нервных бесед с поэтами, художниками и интеллектуалами лицо его необыкновенным образом утончилось» [Лимонов, 1992б, с. 6б]. В конфликтных ситуациях, сталкиваясь с подонками, герой слишком часто пасует, потому что начинает размышлять и колебаться вместо того, чтобы бить: «Чтение книг и написание стихов развивают робость и замедляют мышечную реакцию, должствующую быть немедленной» [Лимонов, 1992б, с. 101].

Повествователь в «Молодом негодяе» склонен трактовать слабость и робость как некие атрибутивные признаки поведения всякого интеллигентного человека: «...Лимонов вместе с лошадиной дозой культуры, влившейся в него из прочитанных книг, получил уже и непременно вручаемую каждому свежиспеченному интеллигенту робость, каковой не бывало у ни в чем не сомневавшегося в таких случаях подростка Савенко – жителя Салтовского поселка» [Лимонов, 1992б, с. 255]. «...Интеллигент и поэтому трус...» [Лимонов, 1992б, с. 255] – так лапидарно формулируется в романе закон, претендующий на универсальность. Вообще же, точка зрения, согласно которой интеллектуальная рефлексия зачастую мешае человеку действовать решительно и мужественно, достаточно широко распространена.

Впрочем, порой автобиографический герой «Молодого негодяя» сознает, что столь резкая утрата мужественности в результате обретения «лошадиной дозы культуры» – это скорее его персональная проблема, нежели универсальная закономерность. Многие из окружающих его приятелей, как это мы видим при чтении романа «Молодой негодяй», успешно сочетают интеллектуальную изощренность с умением постоять за себя в стычках. И в последующем творчестве Лимонова, прежде всего в автобиографических текстах, мы встречаем целую галерею индивидов, одинаково преуспевающих и в искусстве, и в драке – здесь наиболее ярким примером может служить персонаж рассказа «On the wild side» Алекс (он же Михаил Шемякин), преуспевающий как в искусстве, так и в мордобое. Между тем для «молодого негодяя» Лимонова подобное совмещение оказывается трудноразрешимой дилеммой. Юноша Лимонов, подобно подростку Савенко, не может положить в нагрудный карман и оружие, и стихи одновременно. Выбор того или иного резко меняет всю систему ценностных ориентаций.

Итак, позиция Лимонова сводится к тому, что чтение и писание стихов (впрочем, как и вообще всякое погружение в сферу высокой культуры) приводит к изнеженности, а значит, неизбежно оборачивается трусливым пацифизмом. Можно утверждать, что биографический текст самого Лимонова разворачивается под знаком вышеупомянутой антиномии банды и богемы: поначалу будущий вождь НБП потребляет «лошадиными дозами» культуру, утрачивая при этом мужество (данный этап отражен, помимо названных романов, также и в таких произведениях, как «Укрощение тигра в Париже»), а затем, вполне преуспев на литературном поприще, по сути, отказывается от утонченно-творческой деятельности ради суровой политической борьбы и войны, становясь буйным и brutальным лидером экстремистской партии. В 1990-е годы колебания «между

бандой и богемой» [Орлова, 2003, с. 30], которые, по точному наблюдению А. Орловой, играли ключевую роль в жизни подростка Савенко, окончательно остались позади: выбор (оружие или стихи?) был однозначно сделан в пользу оружия.

Позиция Прилепина в этом вопросе оказывается прямо противоположной. С его точки зрения, поэт – это в большинстве случаев пассионарный индивид, а стихи рождаются из той же самой энергетики, которая способна двинуть мужчину в уличную драку или в бой. Поэтическая утонченность, как доказывает Прилепин, весьма органично совмещается с бойцовским бесстрашием. Эта прилепинская концепция наиболее отчетливо раскрыта в книге «Взвод», где изложены творческие биографии знаменитых российских литераторов-воинов XVIII–XIX вв.: все они были отчаянные храбрецы – воины или дуэлянты (чаще же совмещали военные подвиги с бретёрством): «У нас возникло тайное ощущение, что всех этих людей никогда не было: потому что кто так может жить – с войны на войну, с дуэли на дуэль. Нет, так не могло быть, все это – придуманные персонажи какого-нибудь древнего, слепого, полумифического сочинителя поэм: разве в них можно поверить? Сейчас так никто не делает; по крайней мере – из числа пишущих. Тем не менее, они жили – настоящие, истекавшие кровью, болевшие, страдавшие, пугавшиеся раны, плена, гибели» [Прилепин, 2017, с. 13]. Что же касается широко распространенного ныне представления о поэте как утонченном выразителе либерально-пацифистских умонастроений, то это абберация, которая, возникнув в специфической культурно-идеологической атмосфере Серебряного века, затем вновь обрела популярность уже в конце XX столетия.

Соответственно, и образ Бориса Рыжего возникает в рассматриваемом рассказе далеко не случайно. В трактовке Прилепина Рыжий предстает как бесстрашный боец и потенциальный солдат (маем 1996 года датированы написанные им строки, не требующие комментария: «... в эти руки бы надёжный автомат, / в эту глотку бы спиртяги с матюком. / Боже правый, почему я не солдат, / с жёлтой пчёлкой, лёгкой пулей не знаком?») [Рыжий, 2013, с. 176], носитель той же ментальности, что и нацбол Павленко, впоследствии погибший в боях под Луганском. Именно поэтому в финале произведения предельно эксплицирован мотив духовного родства двух этих героев: вместо прежней враждебности рыжий подает Павленко пиво – «как родному, которого заждался» [Прилепин, 2016, с. 120].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Казарин, Ю.** Внутренний мир и миры Бориса Рыжего / Ю. Казарин. – Москва: Кабинетный ученый, 2018. – 234 с.
- Лимонов, Э.** Подросток Савенко / Э. Лимонов. – Краснодар: Кубань, 1992. – 208 с.
- Лимонов, Э.** Молодой негодяй / Э. Лимонов // Глагол. – 1992. – № 19. – 284 с.
- Лимонов, Э.** Другая Россия / Э. Лимонов. – Москва: Ультра. Культура, 2003. – 268 с.

Орлова, А. Между бандой и богемой: Центральная коллизия автобиографической трилогии Э. Лимонова об отрочестве и юности / А. Орлова // Постмодернизм: теория и практика современной русской литературы: Сб. статей. – Санкт-Петербург: Филологический факультет, 2003. – С. 30–35.

Прилепин, З. Семь жизней: рассказы / З. Прилепин. – Москва: Издательство АСТ, 2016. – 249 с. (104–121).

Прилепин, З. Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы / З. Прилепин. – Москва: Издательство АСТ, 2017. – 732 с.

Рыжий, Б. Стихотворения / Б. Рыжий. – Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 2000. – 56 с.

Рыжий, Б. В кварталах дальних и печальных: Избранная лирика. Роттердамский дневник / Б. Рыжий. – Москва: Искусство – XXI век, 2013. – 576 с.

REFERENCES:

Kazarin, Iu. Vnutrennii mir i miry Borisa Ryzhego / Iu. Kazarin. – Moskva: Kabinetnyi uchenyi, 2018. – 234 s.

Limonov, E. Podrostok Savenko / E. Limonov. – Krasnodar: Kuban', 1992. – 208 s.

Limonov, E. Molodoi negodai / E. Limonov // Glagol. – 1992. – № 19. – 284 s.

Limonov, E. Drugaia Rossiia / E. Limonov. – Moskva: Ul'tra. Kul'tura, 2003. – 268 s.

Orlova, A. Mezhdubandoi i bogemoi: Tsentral'naia kolliziia avtobiograficheskoi trilogii E. Limonova ob otrochestve i iunosti / A. Orlova // Postmodernizm: teoriia i praktika sovremennoi russkoi literatury: Sb. statei. – Sankt-Peterburg: Filologicheskii fakul'tet, 2003. – S. 30–35.

Prilepin, Z. Sem' zhiznei: rasskazy / Z. Prilepin. – Moskva: Izdatel'stvo AST, 2016. – 249 s.

Prilepin, Z. Vzvod. Ofitsery i opolchentsy russkoi literatury / Z. Prilepin. – Moskva: Izd-vo AST. 2017. – 732 s.

Ryzhii, B. Stikhotvoreniia / B. Ryzhii. – Sankt-Peterburg.: Pushkinskii fond, 2000. – 56 s.

Ryzhii, B. V kvartalakh dal'nikh i pechal'nykh: Izbrannaia lirika. Rotterdamskii dnevnik / B. Ryzhii. – Moskva: Iskusstvo – XX vek, 2013. – 576 s.